

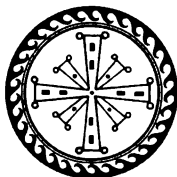
БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ
СТАРЕЦ ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ

СЛОВО
О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «СВЯТАЯ ГОРА», МОСКВА
2011

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ
СТАРЕЦ ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ
О
ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «СВЯТАЯ ГОРА». МОСКВА
2011

УДК 271.2-475
ББК 86.372-43
П12

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

*Перевод на русский язык выполнен
иеромонахом Доримедонтом (Сухининым)
с издания:*

ΓΕΡΟΝΤΟΣ ΠΑΪΣΙΟΥ ΑΓΙΟΡΕΤΟΥ
ΛΟΓΟΙ
Α' — Ε'

ΙΕΡΟΝ ΗΣΥΧΑΣΤΗΡΙΟΝ
«ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΤΗΣ ΙΩΑΝΝΗΣ Ο ΘΕΟΛΟΓΟΣ»
ΣΟΥΡΩΤΗ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ

- © Монастырь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Суроти, Салоники, 1998
- © Издательский Дом «Святая Гора», 2010
- © Иеромонах Доримедонт (Сухинин), 2002

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизведение настоящего издания (текста, элементов оформления, макета) каким бы то ни было способом (графическим, электронным, механическим) без письменного разрешения издателей.

*Многие предпочли умереть, хотя и
были людьми мирскими, ради того,
чтобы не мучили или не убивали дру-
гих. Этим они спасли многих. И так
из-за нескольких героев мы
выжили как народ.*

Старец Паисий Святогорец

Старец Паисий Святогорец (1924 – 1994)

О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Нтак, если говорить коротко, монахи — это радисты Матери Церкви, и, следовательно, если они уходят далеко от мира, то и это делают из любви, ибо уходят от «радиопомех» мира, чтобы иметь лучшую связь и больше и лучше помогать миру¹.

Безрассудное требование, которое предъявляют некоторые клирики, чтобы монахи вышли в мир, высказывают и некоторые неразумные солдаты. Когда их отряд подвергается опасности, они требуют, чтобы радист оставил свою рацию и вступил в перестрелку, как будто положение будет спасено, если к двумстам другим винтовкам присоединится ещё одна. Когда радист кричит во всё горло, чтобы выйти на связь: «Алло, алло, Душа!» и так далее, то другие думают, что он кричит впустую. Однако разумные радисты не слушают, когда их ругают, но изо всех сил стараются выйти на связь, а затем просят немедленной помощи у генерального штаба (Души), и тогда прибывают большие силы авиации, бронетанковых войск, флота и таким образом бывает спасено положе-

¹ В армии Старец служил радистом. — *Прим. пер.*

ние, а не перестрелкой этих солдат. Точно так же и через монахов действуют божественные силы посредством их молитвы, а не их собственные ничтожные силы. Мы же в наше время, когда зло чрезвычайно усилилось, имеем большую нужду во вмешательстве Божиим.

Несправедливость бывает двух видов: материального и нравственного. Материальная несправедливость — это когда человек несправедлив с кем-то в материальном, вещественном отношении. Нравственная несправедливость, это когда кто-то, к примеру, закружит голову девушке и совратит её. А если обманутая девушка вдобавок сирота, то обманувший её обременяет свою душу в пять раз больше. Знаешь, как быстро пуля находит таких безнравственных людей на войне? На войне Божественную справедливость и попечение Божие о людях видно особенно отчётливо. Война не терпит бесчестия — человека безнравственного быстро находит пуля. Однажды наши две роты должны были сменить на передовой батальон, который уходил на отдых. Во время смены коммунисты пошли на нас в атаку, и закипел бой. А один солдат из уходящего батальона совершил за день до этого мерзкое бесчестие — насилие над несчастной беременной женщиной. Ну и что же: в том бою был убит только он один! Разве это не страшно? Все потом говорили: «Так этой скотине и надо — поделом шлёпнули». А ещё это случается с теми, кто лукавит, стремится убежать да улизнуть — в конечном итоге оказываются убиты именно они. Те, в ком есть сильная вера, естественно, и живут

честно, по-христиански. И вот что замечено: такие люди берегут честь своего тела, и это защищает их от вражеских пуль и осколков даже лучше, чем если бы они носили на себе частицу Честного Креста Господня.

А на войне идёт борьба жизней, твоей и чьей-то ещё. Отвага заключается в том, чтобы спешить на помощь другому человеку, но если отсутствует жертвенность, то каждый стремится спасти самого себя. Но вот что замечено: на войне снаряд или мина находят того, кто старается улизнуть. Такой человек вроде бы желает избежать опасности, но тем скорее сворачивает себе шею. Поэтому не надо стремиться улизнуть от опасности, и особенно за счёт других. Помню один случай, произошедший на албанской войне². У одного солдата была каменная плита, и он укрывал за ней голову от пуль и осколков. Когда ему понадобилось отойти за чем-то в сторону, он поставил плиту на дно траншеи, прислонив к стенке. Увидев это, его сосед тут же схватил эту плиту и забрал её. «Сейчас, — подумал он, — подвернулся удобный случай взять её себе». Однако в тот самый момент его накрыла мина, и не осталось даже мокрого места. Видя, как вокруг рвутся снаряды, несчастный взял эту плиту, но о том, что её хозяин вернётся, он не подумал. Он подумал только о себе и своему поступку нашёл оправдание: «Раз он отошёл, то я могу взять эту плиту себе». Да, уйти-то он ушёл, но плита ведь оставалась его собственной. А ещё один отлынивал от службы

² *Албанская война* (или албанский фронт) — война 1940–41 гг. между Грецией и фашистской Италией. — *Прим. пер.*

всё время, пока шла война. Не думал ни о ком. Другие отдавали за Родину свою жизнь — он же сидел дома. До последнего часа, когда положение осложнилось, он стремился избежать опасности. Потом, когда пришли англичане, он постарался попасть в расположение их войск, представился Зервасу³ и, поскольку имел также и американское гражданство, воспользовался случаем и убежал в Америку. Только он до неё доехал — сразу умер! Его жена, бедняжка, говорила: «От Бога хотел улизнуть!» Итак, он умер, в то время как другие, бывшие на войне, остались в живых.

Однажды, когда я был солдатом, наш командир послал меня исполнить обещание, данное нами святому Иоанну Предтече после того, как он помог нам на войне. Мы дали обет купить для одной церквушки святого Предтечи два больших храмовых подсвечника. Итак, мне надо было купить подсвечники, а заодно сопроводить одного нашего сослуживца в город Навпакт⁴ для передачи его военному трибуналу. Помню, другие офицеры говорили командиру: «Ну и конвоира ты ему подыскал!» Несчастный, которого мне предстояло сопровождать, был родом из Эпира⁵, по профессии музыкант, человек бедный, женатый, с детьми. Он обвинялся в самостре-

³ *Наполеон Зервас* (1891–1957) — лидер антифашистского движения «Национальный Греческий Демократический Союз», действовавшего против нацистов в Эпире и некоторых других областях Греции. — *Прим. пер.*

⁴ *Навпакт* — город и порт в юго-западной Греции — *Прим. пер.*

⁵ *Эпир* — область в западной Греции — *Прим. пер.*

ле, то есть в нанесении телесного увечья себе самому для того, чтобы его отправили в тыл. «Лучше, — рассудил он, — жить с одной ногой, чем быть убитым». Сначала мы с ним приехали в Агринио⁶, где у него были знакомые. «Пойдём, — говорит, — проведем их». — «Ну что же, — отвечаю, — пойдём». «Пойдём сюда, пойдём туда», — что поделать, приходилось мне всюду с ним ходить. Ох, какое же мытарство! К тому же он не хотел, чтобы я сдавал его трибуналу. Да мне и самому было жаль бедолагу, стало за него очень больно, и я сказал ему: «Вот увидишь — всё у тебя обойдётся и устроишься лучше всех! Наш командир пришлёт объяснительную записку по твоему делу и тебя пристроят в какое-нибудь тихое место — так что и детям своим сможешь помогать, и жизнь твоя будет в безопасности». Добравшись наконец до Навпакта, мы узнали, что в трибунал уже пришло письмо от командира и дело на нашего самострельщика закрыто. А ведь ему грозил расстрел — время было военное, суровое. Командир пожалел его, поскольку он был главой семьи, и назначил поваром в Центр распределения новобранцев. Его семья перебралась поближе к этому Центру, и войну он провёл лучше всех, а поскольку солдаты иногда не приходили обедать в столовую, у него оставалась еда, и он кормил своих детей. После войны все ему говорили: «Да тебе было лучше всех!» Потому что мы сидели в горах, в снегах. То, что я пожелал ему, было угодно Богу, потому что я сказал с болью, от сердца. Поэтому Бог и исполнил это благословение.

⁶ *Агринио* — город в юго-западной Греции — *Прим. пер.*

Уважение исчезло совсем. Ты только посмотри, что сейчас творится! Собственных родителей дети сдают в дома престарелых! А в старину заботились даже о состарившихся быках, не закалывали их, а говорили: «Это ведь наши кормильцы». А как почитали мёртвых!.. Помню войну: с каким риском мы ходили погребать убитых! Священник, понятно, был обязан пойти. Но солдаты шли вместе с ним — нести тела своих убитых товарищей — по сугробам, по морозу, под градом пуль. Во время Гражданской войны в 1945 году, перед призывом в армию, я помогал нашему церковному сторожу собирать и хоронить убитых. Первым шёл священник с кадилом. Как только доносился свист снаряда, мы падали на землю. Потом поднимались. Опять свист снаряда — снова на землю. После, когда я уже был солдатом и мы, разутые, сидели в снегах, нам сказали, что желающие могут пойти снять обувь с убитых. Никто даже с места не двинулся. Ах, прошли те добрые времена!

Я помню, в армии, если возникала необходимость идти на какое-то опасное задание, только и слышалось: «Господин командир, я пойду вместо него! Ведь он человек семейный — если его убьют, то дети останутся на улице!» Солдаты просили у командира пойти вместо кого-то другого на опасное задание, на передовую. Они радовались от того, что убьют их, но останется жив какой-нибудь глава семейства, и его дети не осиротеют. А сейчас? Разве встретишь где-нибудь, чтобы человек шёл на такую жертву? Если и встретишь, то крайне ред-

ко. Помню, как-то раз мы остались без воды. Командир нашёл по карте место неподалёку, где была вода. Но там засели мятежники. Тогда он говорит: «Есть тут неподалёку вода, но идти очень опасно и света зажигать нельзя. Кто возьмётся сходить и наполнить несколько фляг?» Подскакивает один солдат: «Я пойду, господин командир!», — подскакивает другой: «Я!», за ним — третий. То есть вызвались пойти все! На дворе тьма-тьмуца, без света страшно, аж мороз по коже продирает. Командир растерялся даже: «Вы ведь не можете пойти все!» Я хочу сказать, что о себе не думал никто. Ни один из нас не попытался найти какую-нибудь отговорку, например: «Господин командир, у меня болит нога», или «у меня болит голова», или «я устал». Мы все хотели пойти за водой, а на то, что наша жизнь подвергалась опасности, мы внимания не обращали.

Нынешний дух — дух теплохладности. Мужество, жертвенность совершенно отсутствуют. Нынешней ущербной логикой люди всё перевели в другую систему измерений. И видишь оно как: раньше люди шли в армию добровольцами, а сейчас, не желая служить, достают себе справку, что они психически больные. Прикладывают все силы к тому, чтобы не идти в армию. Разве раньше было хоть что-то подобное? У нас в армии был один лейтенантик, всего двадцати трёх лет от роду, но какой же он был молодчина! Однажды ему позвонил его отец, отставной офицер, и сказал, что намерен попросить кого-то, чтобы с передовой этого парня перевели в тыл. Ох, как же раскричался лейтенант, когда тот ему об этом

сказал! «Как же тебе не стыдно, отец, говорить такое? Это трутни отсиживаются в тылу!» В этом человеке была искренность, честность и отвага настолько исключительная, что она даже переходила границы — он бежал в атаку впереди других. Вся его шинель была насквозь изрешечена пулями, но, несмотря на это, он остался в живых. А увольняясь в запас, он взял эту шинель с собой, на память.

Свобода духовная есть духовная покорность Божией воле. Но видишь как: послушание есть свобода, однако враг по злобе своей представляет её как рабство, и дети — особенно отравленные бунтарским духом нашей эпохи — начинают бунтовать. Понятное дело, ведь они к тому же устали от различных систем XX века, которые, к несчастью, всё больше и больше уродуют как природу — дивный мир Божий, так и людей — Божии творения. Эти системы начиняют души людей тревогой и уводят их от радости, удаляют от Бога. А знаете, что нам довелось пережить, когда мы уволились из армии в запас? Да будь на нашем месте нынешняя молодёжь, она разнесла бы всё в пух и прах! Это было в 1950 году. Гражданская война только закончилась. Нас, солдат различных призывов, уволили в запас вместе. Один воевал четыре с половиной года, другой — четыре, третий — три с половиной. И вот представьте: после стольких страданий на войне мы, приехав в Ларису и явившись в пункты распределения демобилизованных, видим, что они уже забиты другими фронтовиками. Мы тыркнулись

было в гостиницы, но и там отказали. «Солдатня, — говорят, — разве можно её впускать! Все одеяла перепачкают». А ведь мы предлагали заплатить им за ночлег. На дворе март, холодно. На наше счастье, один офицер нас выручил, дай ему Бог доброго здоровья! Он пошёл на железнодорожный вокзал, узнал, когда поезда приходят, когда уходят, когда совершают маневры, договорился с железнодорожным начальством и нас пустили на ночь в пустые вагоны. «Ночью, — предупредил нас офицер, — вагоны будут маленько ездить туда-сюда, совершать маневры, но вы не бойтесь, до такого-то часа завтра утром они не уедут». Так всю ночь и прокатались взад-вперёд.

Наконец добрались до Салоник. Те, кто жил неподалёку, отправились по домам. А мы опять пошли в пункты распределения, но и там яблоку негде было упасть. Опять по гостиницам — и опять безрезультатно. Помню, как я в гостинице просил: «Дайте просто стул — переждать ночь, и я заплачу вам вдвое больше, чем за кровать!» — «Нет, — отвечают, — нельзя». Они боялись, чтобы кто-то не увидел, что у них ночью в гостинице сидел на стуле солдат, и не донёс на них. Значит, стой всю ночь на ногах на улице и подпирай стенку! И вот несчастные солдаты стояли на улицах возле гостиниц, на тротуарах, прислонившись к стене. На всех тротуарах — солдаты, как на параде. Тебе понятно? Да будь это современная молодёжь, она спалила бы Ларису и в придачу всю Фессалию вместе с Македонией! Ведь они и сейчас-то, не испытывая никаких трудностей, что творят! Громят, захватывают школы, университеты. А тогдашним бедным

ребятам такое даже в голову не приходило. Конечно, им было горько, но при этом помысла отомстить, сделать какое-то зло у них не было. А ведь на войне, в снегах, они пережили такие страдания! Несчастные были искалечены войной — какая же жертвенность! — в конце концов их «отблагодарили» ночёвкой под открытым небом. Последнее «спасибо»! Вот я и сравниваю, какой была тогдашняя молодёжь и до чего она докатилась сейчас. Не прошло ещё и пятидесяти лет, и люди так изменились!..

А с какой жертвенностью девушки соблюдали свою чистоту в прежние времена! Помню, как во время войны наше командование собрало из разных деревень гражданских жителей с мулами и заставило их перевозить для армии грузы. Пошёл сильный снег, и эти люди оказались отрезанными на одной высоте. Мужчины наломали елового лапника и под заснеженными ветвями елей устроили что-то вроде навесов, чтобы хоть как-то защититься от холода. Женщины, бывшие там, тоже были вынуждены спрятаться под эти навесы, прося защиты у своих односельчан, у тех, с кем они были знакомы. Были там девушка и старуха из одного дальнего села. Им тоже пришлось укрыться под одним из этих еловых навесов. Но беда в том, что бывают такие неверующие и трусливые люди, что их не приводит в чувство даже война. Им не больно за своих ближних, которые калечатся или убиваются, но при удобном случае они стремятся даже совершать грех, боясь, что их убьют и они не успеют урвать от жизни удовольствия, хотя им, наоборот,

следовало бы покаяться — по крайней мере, во время опасности. И вот один из таких неверующих трусов, которые думают не о том, как покаяться, а о том, чтобы согрешить, оказался под тем навесом, где укрылись девушка со старухой. Он начал приставать к девушке столь гадко, что та была вынуждена убежать. Она предпочла окоченеть от холода и даже умереть в снегах, но сохранить свою девичью честь. Несчастливая старуха, видя, что девушка ушла и не возвращается, пошла по её следам и нашла её под навесиком часовни Честного Иоанна Предтечи, в получасе ходу. Честной Предтеча сохранил девушку, оберегавшую свою честь, и привёл её к своей часовенке, о которой она даже не знала. И что же сделал Честной Предтеча после этого? После этого он явился во сне одному солдату⁷ и повелел ему как можно скорее спешить в его часовню. Солдат вскочил и поспешил в эту часовню. Та ночь была светла от снега, и он приблизительно знал, куда нужно идти. О, что за картина предстала перед его глазами! Старуха и девушка, по колено в снегу, уже посинели и окоченели от холода. Солдат сумел открыть дверь в церквушку, несчастные вошли внутрь и кое-как пришли в себя. У солдата не было никаких тёплых вещей, кроме шарфа, который он дал старухе, и двух перчаток, которые он дал им обеим, велел по очереди менять руки. Потом несчастные рассказали ему о том искушении, которое привело их в эту часовню. «Хоро-

Этим солдатом был Арсений Эзнепидис — будущий блаженный Старец Паисий. Описываемый случай произошёл во время Гражданской войны 1944–1948 гг. — *Прим. пер.*

шо, — спросил девушку солдат, — как же ты решилась бежать ночью, по сугробам, неизвестно куда?» — «Это, — ответила она, — было всё, что я могла сделать. Я верила в то, что Христос поможет мне в остальном». Тогда солдат совершенно произвольно сказал: «Всё, закончились ваши муки. Завтра будете дома». Эти слова вырвались у него сами собой, от боли, а не просто для того, чтобы утешить несчастных. Ух, как же они обрадовались, услышав это! От этих слов им даже стало теплее. И действительно, к утру следующего дня горно-транспортная рота расчистила дорогу и со своими мулами пришла на место. Тогда несчастных отпустили по домам. Такими юными дочерьми Эллады — не обнажёнными от Божественной Благодати, но облачёнными в Неё — надо восхищаться и хвалиться! А та скотина — да простит меня Бог — пошёл к командиру и доложил, что, дескать, «солдат такой-то совершил взлом часовни и ввёл в неё транспортные средства», то есть мулов! «Нет, — ответил ему командир, — не верю, он на такое не способен!» В конце концов этот человек закончил тюрьмой.

Очень сильные братские отношения рождаются в тяжёлые годы. На войне мы, солдаты одного полубатальона, два года прожили вместе и были спаянны между собой больше, чем братья, потому что трудности и опасности мы переживали вместе. Мы были настолько спаянны, что звали друг друга «брат». Мирские были люди, с мирским образом мыслей, ни Евангелия не читали, ни духовных книг, а, тем не менее, один с другим не хотел рас-

ставаться. У людей было обычное мирское, в хорошем смысле этого слова, образование, но они имели то, что всего выше, — любовь, братство. Недавно скончался один из наших сослуживцев, и остальные однополчане приехали на его похороны со всех концов страны. И сюда несколько дней назад приехал повидаться со мной один мой однополчанин. Как же он меня стиснул в своих объятиях! Я не мог из них вырваться!

Сейчас мы воюем с дьяволом. Поэтому постарайтесь ещё больше сродниться друг с другом, ещё больше стать друг другу братьями. Так все вместе мы будем идти по избранному нами пути, вместе подниматься по крутой тропе на сладкую Голгофу.

В армии, в войсках связи, у нас была таблица распознавания, указывавшая некоторые конкретные признаки, по которым было понятно, какая радиостанция наша, а какая чужая; свои радиостанции мы знали. Какое-то время на специальных занятиях по технике радиоприёма мы устанавливали промежуточную радиостанцию и старались распознать принадлежность чужой станции. Спрашивали: «Что это?» — или говорили: «Раз!» — и слушали, какой будет ответ, чтобы поймать их на этом. Иными словами, если мы не могли с уверенностью определить радиостанцию, то мы ей не доверяли и старались её распознать. Так и в жизни духовной: видя, что какая-то «радиостанция» не наша, мы должны сказать самим себе: «К чему мне с этой станцией работать? Ещё чего!» Когда радист, понимая, что радиостанция чу-

жая, хочет с ней работать — это серьёзный проступок. Но насколько серьёзнее его вина, когда он знает, что радиостанция не только чужая, но к тому же вражеская, — и хочет работать с врагом! Я хочу сказать, что в вопросах, касающихся наших связей с другими людьми, необходимо рассуждение и осмотрительность. А самое надёжное — это каждому советоваться со своим духовником.

— А как, геронда, человек может пойти на жертву, если ему ещё неведом вкус жертвенной радости?

— Если поставит себя на место другого. Когда я был в армии, наш взвод часто заливало водой. У рации надо было менять аккумуляторы, а это было делом очень нелёгким, потому что линия была загружена. Я был мокрым по пояс, и шинель впору было выжимать. Однако, чтобы не мучились другие, я предпочитал делать эту работу сам и, делая её, радовался. Командир говорил мне: «Когда ты выполняешь эту работу, то я спокоен, но мне тебя жаль. Скажи, чтобы это делал кто-нибудь другой». — «Нет, господин командир, — отвечал я ему, — я [от этого] радуюсь». В нашем полубатальоне был ещё один радист, но, когда мы отправлялись на операции, чтобы не подвергать его опасности, я не давал ему таскать ни аккумулятора, ни рации, хотя мне было и тяжело. Он просил меня об этом [обижался]: «Почему ты мне их не даёшь?» — «У тебя, — отвечал я ему, — жена и дети. Если тебя убьют, я буду за это отвечать перед Богом». И так Бог сохранил нас обоих: ни ему, ни мне Он не попустил быть убитым.

Для человека чувствительного предпочтительнее быть единожды убитым самому, прикрывая другого из чувства любви, чем проявить небрежность или трусость и всю последующую жизнь испытывать постоянные угрызения совести. Однажды на гражданской войне маневр мятежников отрезал нас от остальных сил за одной деревней. Солдаты собирались бросать жребий о том, кому идти в деревню за продовольствием. «Я пойду», — сказал я. Если бы пошёл кто-то неопытный и невнимательный, его могли бы убить, и меня потом мучила бы совесть. «Лучше будет, — думал я, — если убьют меня, чем кого-то другого, а меня потом всю жизнь будет убивать совесть. Как я такое вынесу?» — «Ты мог бы его спасти, — будет говорить мне моя совесть, — почему же ты не спас его?» К тому же я постился и был на голодный желудок... В общем, ладно. Ну и командир мне говорит: «И я бы предпочёл, чтобы ты пошёл, ты ведь и из воды сухим выйдешь, только поешь, чтобы сила была». Взял я автомат и двинул. Мятежники приняли меня за своего и дали пройти. Пришёл я в деревню, зашёл в какой-то двухэтажный дом. Там была одна старушка, она дала мне продуктов, и я возвратился к своим.

Величайшую радость я переживал зимой [в горах], среди снегов. Помню, проснулся однажды ночью. Все спали, а наши палатки завалил снег. Я вылез из палатки, схватил рацию и стал вытряхивать из неё снег. Смотрю: работает. Побежал к командиру и рассказал о том, что творится. В ту ночь я мотыгой откопал из снега двадцать шесть обмороженных. Для Христа я не сделал ничего.

Если бы я сделал для Христа десять процентов от того, что делал на войне, то сейчас творил бы чудеса! Вот почему потом, в жизни монашеской, я говорил: «В армии я претерпел такие муки ради Отечества, а что я делаю для Христа?» Иными словами, по сравнению с теми муками, что я пережил в армии, в монашеской жизни я чувствовал себя царским сыном, тут уж не имело значения, был у меня какой сухарь или нет. Потому что там, во время операций, знаешь, какой мы держали пост? Снег ели! Другие хоть рыскали вокруг, находили что-нибудь съедобное, а я был привязан к рации — не мог от неё отойти. Однажды мы остались без еды на тринадцать дней: нам дали только по одному солдатскому хлебу и по половине селёдки. Воду я пил из следов копыт, и то не чистую дождевую, а смешанную с грязью. А однажды довелось отведать и «лимонада»! В тот раз от жажды я дошёл до предела и тут увидел след от копыта, полный воды — жёлтой! Уж я её пил-пил!.. И поэтому после, в жизни монашеской, вода, даже если она была полна всяких козявок, казалась мне великим благословением. Она, по крайней мере, была похожа на воду.

А однажды вечером порвалась кабельная линия связи. Был декабрь 1948 года. Снега вокруг — сугробы. В четыре часа пополудни нам дают приказ: идти в деревню (это два часа пешком), восстановить линию и возвращаться назад. Через два часа — темнота. Солдаты были как мёртвые от усталости и не находили в себе мужества идти. И где там ещё найдёшь кабель в таких сугробах!

— Вы что, геронда, не знали дороги и того, как был проложен кабель?

— Э, дорогу-то примерно я знал, но всё равно ночь застала бы нас в дороге. Короче говоря, дали мне несколько человек, и мы пошли. Сначала мы, ещё будучи в расположении нашей части, лопатами очистили дорогу от снега, чтобы успокоить командира, и маленько прошли вперёд. Потом я им говорю: «Пошли-пошли, нам ведь ещё возвращаться!» Я пошёл первым, потому что остальные всё время роптали. «Эллада-то, — говорили они мне, — погибнуть не может, а вот мы погибаем!» Как заладили одно и то же без конца! Так продвигались мы вперёд: я проваливался в снег, они меня вытаскивали, снова проваливался, снова вытаскивали... У меня была сабля, и я то и дело прошупывал ей снег перед собой, чтобы найти, куда можно ступить. Надо было постоянно проверять. Я продвигался первым и говорил им: «Пошли-пошли, здесь скот не ходит и кабель порвать не может. Дойдём до какого-нибудь оврага, где кабель висит над землёй, и только там проверим». Дошли мы наконец до одной деревни, перед которой были террасы, скрытые от глаз под снежными заносами, и я упал с одной террасы вниз, в снег. Остальные испугались идти дальше и меня доставать. Наконец мы спустились вниз, перебираясь с одной террасы на другую, — как, лучше не спрашивай, — и поздно вечером вошли в деревню. В каких-то оврагах в одном-двух местах я нашёл обрыв, мы соединили кабель и связались с командиром. «Возвращайтесь назад», — говорит нам командир. Но как тут возвращаться? Мало того, что

ночь наступила, так ещё надо каким-то образом лезть наверх, на террасы! Спускались-то мы кубарем! И как найдёшь дорогу? «Но как мы возвратимся? — спрашиваю командира. — Спуститься-то мы ещё кое-как спустились, но как теперь подниматься? Давайте мы лучше завтра утром вернёмся: выйдем с другого края деревни и сделаем круг». — «Никаких “давайте”, — говорит командир, — сегодня!» На наше счастье, этот разговор услышал адъютант командира и упросил его разрешить нам остаться на ночь в деревне. Так мы и остались. В одном доме нам дали пару-тройку толстых шерстяных покрывал. Меня начало знобить: я ведь шёл впереди, расчищал дорогу и был весь мокрый. Товарищи пожалели меня, потому что мне, так сказать, досталось больше других, и положили меня в середину. Поужинали мы тогда одним ломтём солдатского хлеба. Не помню, чтобы когда-нибудь ещё в своей жизни я переживал большую радость, чем тогда.

Я был вынужден привести вам эти примеры, чтобы вы поняли, что такое жертва. Я рассказал вам всё это не для того, чтобы вы похлопали мне в ладоши, но для того, чтобы вы поняли, откуда происходит настоящая радость.

А после, в отделе связи, меня обманывали сослуживцы. «Ко мне отец приезжает, надо пойти с ним повидаться, посиди за меня, пожалуйста», — говорил один. «А ко мне сестра приехала», — врал другой (никакая она ему была не сестра). Кому-нибудь ещё нужно было за чем-то отлучиться, и я шёл на жертву: всё время сидел на дежурстве то за одного, то за другого. После дежурства

подметал, наводил порядок. В помещения взвода связи запрещалось входить другим, даже офицерам из других отделов, к тому же время было военное. Так что уборщицу мы взять не могли. Брал я веник и подметал все помещения. Там и научился подметать. «Здесь, — говорил я, — служебное помещение, место некоторым образом священное, неприбранным его оставлять нельзя». Я не обязан был подметать, да и делать этого не умел: у себя в доме я ни разу и веника-то в руки не брал. Да если бы я и захотел его взять, меня бы тут же моя сестра этим же веником бы и отлупила! «Уборщица, — дразнили меня сослуживцы, — вечная жертва». Я на это не обращал внимания. И делал это не для того, чтобы услышать «спасибо», но оттого, что ощущал это необходимостью и радовался.

— У вас, геронда, совсем не было помысла «слева»? Вы, например, не думали: «Такой-то гуляет, а не с сестрой своей встречается»?

— Нет, таких помыслов у меня не было. С того момента, как кто-то говорил мне: «Прошу тебя, можешь маленько посидеть вместо меня?» — всё, вопрос был закрыт. А ещё один просил у меня денег якобы для своих детей, однако сам не только не отсылал их детям, но ещё и у жены своей просил денег, чтобы тратить на себя самого. Понятно? И я делал это не для того, чтобы мне сказали «молодец», я ощущал это необходимостью. Из расположения части я не выходил, другие пользовались этим и свалили всю работу на меня. Мне приходилось выполнять работу всего взвода. Целая куча позывных, реле стучат без остановки...

Я превратился тогда в развалюху. Какое-то время у меня держалась температура тридцать девять и пять, и я никому об этом не говорил. Но потом от перенапряжения свалился, потерял сознание. Меня бросили на носилки, и я слышал голоса сослуживцев: «Ну что, Венедикт⁸, поехали на капремонт, сейчас мы тебя отнесём на носилках туда, где чинят старые автомобили». И они отнесли меня в госпиталь. Там я был без присмотра — кому было за мной смотреть, все занимались ранеными, — но ощущал радость. Ту радость, которая происходит от жертвы, потому что мой собственный покой рождается от того, что я доставляю покой другому.

— Геронда, одна из младших сестёр спросила меня: «А будучи новоначальным монахом, старец не имел падений в своей борьбе? Он никогда не впадал в осуждение?»

— Когда в моей борьбе происходило что-то подобное или когда меня ругали, то я не давал всему этому «беспошлинных прав».

— Геронда, что значит «беспошлинные права»?

— Давать своим ошибкам, прегрешениям «беспошлинные права» — это значит относиться к ним с равнодушием. То есть стараться, чтобы осознание ошибки не касалось души, а «пролетало» мимо неё. Если земля окаменеет, делается жёсткой, то, сколько бы дождя на неё ни лилось, она не впитывает в себя воду. То же самое происходит и с человеком, который даёт своим ошиб-

⁸ Так звали одного известного в тех краях священника-проповедника, и сослуживцы, желая подразнить Старца, называли его Венедиктом.

кам и прегрешениям «беспошлинные права». Нива сердца такого человека ожесточается от равнодушия, и что бы ему ни сказали, что бы с ним ни случилось, его это не трогает, то есть он не чувствует своей вины и не кается. Когда я, [будучи ещё новоначальным], узнавал, что кто-то назвал меня, к примеру, лицемером, я не говорил: «Да чтоб ему пусто было, раз он говорит такие вещи», но старался найти причину, побудившую его так про меня сказать. «Что-то здесь неладно, — говорил я, — этот человек не виноват, это сам я был в чём-то невнимателен, дал ему повод, и он неправильно истолковал моё поведение. Ни с того, ни с сего сказать такое он не мог. Если бы я был внимателен и вёл себя разумно, он не истолковал бы моё поведение так превратно. Я навредил своему ближнему и дам за это ответ Богу». И сразу же я старался найти, в чём моя ошибка, и исправить её. То есть я не исследовал, почему человек сказал про меня такое: от ревности ли, от зависти или потому, что понял превратно услышанное от других. Этот вопрос меня не занимал. И сейчас во всех [подобных] случаях я поступаю таким же образом. Если, к примеру, кто-то скажет мне жёсткое слово, я не могу даже уснуть. И если дело действительно обстоит так, как он говорит, то я огорчусь и постараюсь себя исправить. Но даже если дело обстоит и не так, как подумал и сказал этот человек, то я всё равно огорчусь, буду думать о том, что я в чём-то виноват, потому что был невнимателен и соблазнил моего ближнего. Я не валю всю вину на ближнего: я задумываюсь о том, как будет судить мои действия Бог, а не то, какими они покажутся людям.

Если человек не будет исследовать происходящее подобным образом, то ему ничто не принесёт пользу. Часто говорят: «Такой-то человек потерял контроль над собой». Знаете, когда человек теряет над собой контроль? Когда он за собой не следит. Если у человека не всё в порядке с головой, и поэтому он не контролирует себя, то у него есть смягчающие вину обстоятельства. Однако смягчающих вину обстоятельств нет у того, кто, не имея никаких проблем с головой, не контролирует свои действия, поскольку не следит за собой.

Во время оккупации в 1941 году мы, спасаясь от немцев, которые разоряли деревни, жгли и убивали, ушли из Коницы в горы. В тот день, когда немцы вошли в Коницу, два моих брата с утра спустились с горы на равнину рыхлить кукурузу на огороде. Услышав, что пришли немцы, я бросился к матери: «Мама, я сбегая вниз, предупрежу братьев». Она меня не пускала, потому что все ей говорили: «Те всё равно пропали, хоть этого не пускай, а то и его потеряешь». «Как бы не так», — подумал я. Нацепил солдатские башмаки и побежал вниз на огород. Впопыхах я не успел хорошо завязать ботинки, и, когда бежал через поле, которое недавно полили, они свалились у меня с ног и застряли в грязи. Я их бросил и побежал босиком вдоль реки, а там полно чертополоха. Около часа летом по жаре я бежал по колючей траве и не чувствовал никакой боли. Прибегаю на огород к братьям, кричу: «Немцы пришли, надо прятаться». И тут мы видим идущих вооружённых немецких солдат. «Продолжайте рыхлить, — говорю я братьям, — а я сделаю вид, что полю

и прореживаю кукурузу». Немцы прошли мимо и даже ничего не сказали. Только потом я заметил, что мои ноги все в ранах от колючек, а до того момента я даже ничего не чувствовал. В том беге была радость! Радость самопожертвования. Разве мог я бросить своих братьев? А если бы с ними что-нибудь случилось? Да меня бы потом мучила совесть. Даже если бы у меня совести не было, всё равно я бы потом испытывал муку самоуспокоения.

Если христианин не начнёт уже сейчас чем-то жертвовать: какой-то своей похотью, эгоизмом, — то как он достигнет того, чтобы в трудную минуту пожертвовать своей жизнью? И если сейчас он боится труда и озабочен тем, чтобы не переработать больше другого, то как он достигнет такого состояния, что побежит отдавать за другого свою жизнь? Если сейчас он озабочен собой по пустякам, то как он подумает о другом в ту минуту, когда его жизнь будет подвергаться опасности? Тогда будет труднее. Если придут нелёгкие годы и такой человек увидит своего соседа, в горячке упавшего на дороге, то он оставит его лежать там, уйдёт и скажет: «Пойду-ка лучше и я прилягу, а то как бы не свалиться и мне».

Те, кто умирают героически, не умирают

Я помню, что в армии у всех нас была одна общая цель. Старался и я, но жертвенностью обладали и другие — независимо от того, веровали они в иную жизнь или нет.

«Зачем умирать этому человеку, он ведь глава семьи», — говорили они и сами шли на опасное задание. Та жертва, на которую шли эти люди, имела цену большую, чем та, на которую шёл человек верующий. Верующий веровал в Божественную правду, в Божественное воздаяние, тогда как неверующие не знали о том, что та жертва, на которую решились они, не напрасна, что им воздастся за неё в жизни иной.

Во время оккупации, при Давакисе⁹, итальянцы арестовали молодых офицеров, погрузили их на корабль, а потом отправили его на дно. А после этого начали хватать гражданских; тех, кого поймали первыми, пытали, чтобы вынудить их назвать имена других жителей, имевших дома оружие. Посмотрели бы вы тогда на то, какую жертвенность проявляли люди мирские! В Конице возле нашего дома, там, где сейчас построили храм святого Космы Этолийского, раньше была мечеть. Арестованных закрыли в мечети и всю ночь били плётками с колючками или оголёнными кабелями: выпускали наружу проволоку, привязывали на конце куски свинца и били этими проводами людей. Стальная проволока сдирала кожу. А чтобы не было слышно криков, итальянцы пели или заводили музыку. Отсюда и появилось выражение «живодёрня с музыкой». Кроме того, несчастных подве-

⁹ *Давакис Константин* (1897–1942) — полковник греческой армии, талантливый военачальник, командующий отдельной Пиндской бригадой в ноябре 1940 года. Одержанная К. Давакисом Пиндская победа над итальянской горнострелковой дивизией «Джулия» стала первым серьёзным поражением фашистского блока во Второй мировой войне. — *Прим. пер.*

шивали за ноги вниз головой, и у них изо рта шла кровь. Но они молчали, потому что думали: «Если признаёмся мы, — а ведь они знали, у кого были винтовки, — то потом будут так же бить всех остальных, чтобы заставить признаться и их». Поэтому те, кого взяли первыми, решили: «Лучше мы умрём, чтобы доказать, что у других людей нет винтовок». А другие за одну или пять ок¹⁰ муки говорили врагам, у кого было спрятано оружие. Был голод, и люди становились предателями. Некоторые итальянцы из батальона, набранного из внебрачных детей, были настоящие варвары со всеми варварскими комплексами. Свою злобу они вымещали на других. Они брали маленьких детей, раздевали их, несчастных, сажали на раскалённые железные щипцы и придавливали ногой, чтобы горело их тело. Они пытали детей для того, чтобы родители признавались, у кого есть винтовки. «У меня нет, у меня нет!» — кричали взрослые, а мучители жгли их деток. Я хочу сказать, что многие предпочли умереть, хотя и были людьми мирскими, ради того, чтобы не мучили или не убивали других. Этим они спасли многих. И так из-за нескольких героев мы выжили как народ.

Те, кто умирают героически, не умирают. А если отсутствует героизм, то ничего хорошего не жди. Знайте также, что человек верующий будет и отважен! Макриянис¹¹, несчастный, что пережил он! И в какие годы!

¹⁰ Ока — мера веса, равная 1280 граммам. — *Прим. пер.*

¹¹ Иоаннис Макриянис (1797—1864) — генерал-майор, национальный герой Эллады. Один из самоотверженнейших борцов против турок в годы Греческой Революции (1821—1830). Автор «Воспоминаний» о революции и освободительной борьбе. Жизнь

— Он как-то сказал, геронда: «Закоптились глаза мои».

— Да, его глаза закоптились. От напряжения и тревоги, которые он переживал, его глаза словно дымились. Живя в нелёгкие времена, он от боли и любви постоянно жертвовал собой. О себе он не думал, никогда не брал себя в расчёт. Борясь за Отечество, он не боялся смерти. Макрияннис переживал духовные состояния. Если бы он стал монахом, то, думаю, немногим бы отличался от Антония Великого. Несмотря на свои раны и увечья, он делал по три тысячи поклонов [в день]. Когда он делал поклоны, его раны открывались, внутренности вываливались наружу, и он сам вправлял их на место. Три поклона моих стоят одного поклона его. Пол перед ним был мокрым от слёз. А если бы на его месте оказались мы? Да мы побежали бы в больницу, чтобы нам оказали медицинскую помощь! Мирские люди станут судить нас!

*Тот, кто не берёт в расчёт себя,
приемлет Божественную силу*

— А на войне, геронда, приходилось ли вам подвергаться опасности?

— О! Да разве только однажды или дважды? Это сейчас я размышляю о том, как помогал [мне] Бог, и сильно волнуюсь. А тогда я об этом не думал. Особенно

И. Макриянниса — прекрасный образец жертвенной христианской любви к Богу, ближнему и Отечеству. — *Прим. пер.*

о смерти — о ней я не думал совсем. Когда ты решился на смерть, тебе ничего не страшно. Решимость на смерть равна по своей силе тысяче телохранителей. Смерть — это безопасность. На войне эмблемой отряда священных добровольцев является череп. Это значит: они решились умереть. Тот, кто ради блага другого человека или ради общего блага забывает о самом себе, приемлет Божественную силу. И посмотрите, если человеком движет жертвенность, то Бог покрывает его. Помню, как однажды мы окопались за одним утёсом. Я вырыл небольшой окопчик и маленько укрылся в нём. Ползёт один: «Пусти и меня», — ползёт другой: «И меня тоже». Я дал им залезть в окоп, потому что они просили меня об этом, а сам остался снаружи. Ночью, когда начался сильный артобстрел, один осколок чиркнул меня по голове. Каски на мне не было, один капюшон. «Ребята, — кричу, — в меня осколок попал!» Щупаю рукой голову — крови не чувствую, снова щупаю — ничегошеньки! Осколок чуть-чуть чиркнул по голове и только сбрил волосы ото лба до темени: оставил на моей голове чистую полоску в шесть сантиметров шириной.

Вы не жили в трудные годы, в оккупацию, вы не видели войны, врагов, горя. Я желаю вам не видеть всего этого, но потому вы и не понимаете, что это такое. Однако наши годы похожи на бурлящий и свистящий котёл. Необходимы закалка, отвага и мужество. Если что-то случится, то смотрите, не окажитесь совершенно неподготовленными. Готовьтесь уже сейчас, чтобы вы смогли дать отпор трудностям. И Христос как сказал: «...буди-

те готóви»¹², не так ли? Сегодня, живя в столь сложные годы, нам надо быть не просто готовыми, а трижды готовыми, чтобы не сказать больше! Может быть, нам придётся встретить не одну лишь внезапную смерть, но и другие опасности. Итак, прогоним прочь от себя стремление устроиться поудобнее! Пусть в нас работает любочестие и присутствует дух жертвенности.

Сейчас я вижу, как что-то готовится, вот-вот должно произойти и постоянно откладывается. Всё время маленькие отсрочки. Кто переносит эти сроки? Бог ли отодвигает их? А ну-ка ещё месяц, ну-ка ещё два!.. Так всё и идёт¹³. Но раз мы не знаем, что нас ждёт, то развивайте в себе, насколько можете, любовь. Это самое главное: чтобы была между вами не ложная, а истинная, братская любовь. Если есть добрая заинтересованность, боль, любовь, человек всегда действует правильно. Доброта, любовь — это сила. Храните, насколько можете, тайну и не пускайтесь в откровенности: ведь если тайну будут знать «только ты, да я, да он, да звонарь Симеон», то что из этого выйдет? Даже и по простой глупости вы можете сделать зло, а потом биться головой о стену. Посмотрели бы вы, как хранят тайну в армии! Если ты понимал, что можешь попасть в плен, то первым делом надо было уничтожить позывные: разрезать запись на кусочки и проглотить. Один раз, оказавшись в опасной ситуации, я так и сделал, потому что если бы позывные оказались в руках мятежников, то они узнали бы, что в таком-то

¹² Мф. 24:44; Лк. 12:40.

¹³ Произнесено в ноябре 1984 г.

месте [находятся наши] войска, что у них нет продовольствия и тому подобное. И тогда они послали бы радиogramму в [наш] центр, чтобы прилетела [наша] авиация и сбросила им продовольствие, а на наши головы — бомбы. Понятно? [Зная позывные], они бы связались с центром от имени правительственной армии. Если ты был радистом и попадал в плен, то тебе, чтобы ты выдал позывные, клещами выдёргивали ногти. И ты предпочитал быть с выдранными ногтями, но не быть предателем. Одному [радисту] для того, чтобы он рассказал содержание радиogramмы, жгли огнём подмышки, и он не признался, словно онемел. Он не поведал врагам тайны и поэтому стал исповедником. А женщины перевозили документы для армии в сёдлах мулов и были готовы на смерть.

Смерть на войне способна весьма умиловать Бога, потому что человек, павший смертью храбрых, жертвует собой, чтобы защитить других. Те, кто от чистой любви жертвуют своей жизнью ради того, чтобы защитить сочеловека, своего ближнего, подражают Христу. Эти люди — величайшие герои, их боится, трепещет и самая смерть, потому что от любви они презирают смерть и таким образом приобретают бессмертие, находя под могильной плитой ключ от вечности и без труда входя в вечное блаженство.

О ТОМ, ЧТО ОТВАГА РОЖДАЕТСЯ ОТ ДОВЕРИЯ БОГУ

В отваге нет варварства

Подвиги совершают не те, кто ростом велик, а те, в ком есть отвага, широкое сердце и решимость пожертвовать собой. И на войне те, в ком есть отвага, имеют и доброту и не убивают других, потому что в отваге нет варварства. Такие люди стреляют не во врага, а вокруг него и вынуждают его сдаться. Добрый предпочитает быть убитым, нежели убивать. Человек, настроенный таким образом, приемлет Божественные силы. Люди же злые трусливы и малодушны, свой страх они прикрывают наглостью, боятся и самих себя, и других и потому от страха стреляют без остановки. Когда я проходил военную службу во время гражданской войны, мы как-то раз зашли в одну деревню. «Здесь никого из бандитов нет, — сказали нам местные жители, — все ушли. Осталась только одна сумасшедшая». Один из наших издали увидел эту женщину и из ручного пулемёта выпустил по ней две очереди. «Что я вам сделала?» — вскрикнула несчастная и упала на землю.

— Он от страха это сделал?

— Да, от страха. Люди такого склада ищут для себя лёгкие решения. «Врага лучше прикончить», — говорят они, чтобы уже не сомневаться. Человек менее трусливый будет и менее злым. Он будет стараться вывести врага из строя, например, повредить ему руку или ногу, но убивать его не будет.

Мужество, отвага — это одно, а злобность, уголовщина — совсем другое. Брать врагов в плен для того, чтобы перерезать им горло, — это не мужество. Настоящим мужеством будет схватить врага, сломать ему винтовку и отпустить его на свободу. Мой отец так и делал. Когда он ловил четов¹⁴, совершавших набеги на Фарасы, он отбирал у них винтовки, ломал их и говорил: «Вы бабы, а не мужчины». После этого он отпускал их на свободу. А однажды он оделся богатой турчанкой, пришёл в их стан и спросил главаря. Заранее он договорился со своими парнями, чтобы те начинали атаку сразу, как только услышат условный сигнал. Когда четы провели его к главарю, отец сказал ему: «Пусть твои мужчины выйдут и оставят нас вдвоём». Как только они остались один на один, мой отец выхватил у главаря винтовку, переломил её и сказал разбойнику: «Теперь ты баба, а я — Эзнепидис!» Тут он дал условный сигнал, налетели его молодцы и выгнали четов из деревни.

Для того чтобы преуспеть, надо иметь шальную, в хорошем смысле этого слова, жилку. В соответствии с тем,

¹⁴ Четы — турецкие разбойники. См. также в книге: Старец Паисий Святогорец. Преподобный Арсений Каппадокийский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 22, 74.

как человек использует эту шальную жилку, он становится или святым, или героем. Однако, если такой человек сойдёт с пути и увлечётся злым, он может стать преступником. Тот, в ком нет шальной жилки, ни святым, ни героем стать не может. А потому должен завестись наш внутренний моторчик, должны заработать сердце, отвага. Сердце должно стать безрассудным.

Я знаком со многими офицерами, вышедшими в отставку и от расстройства не находящими себе места. Некоторые из них хотят, чтобы началась война, чтобы быть при деле — так в них всё горит. А кто-то, только лишь получает призывную повестку, сразу весь дрожит, а ещё кто-то притворяется сумасшедшим, чтобы не попасть в армию. Сколько отставников говорили мне, что хотят поехать в Боснию и повоевать! Не использовав свою отвагу в жизни духовной, они, слыша о войне, радуются возможности повоевать. Знаешь, какие подвиги, какую духовную борьбу подъяли бы эти могучие люди, познай они духовную жизнь? Да они бы стали святыми.

Какая отвага была в старину

— Геронда, однажды Вы рассказывали нам что-то о своей бабушке...

— Моя бабушка была очень отважным человеком. На всякий случай, для безопасности она всегда имела при себе ятаган¹⁵. Вот тебе, пожалуйста, женщина вдовая,

¹⁵ *Ятаган* — большой кривой турецкий кинжал. — Прим. пер.

двое детей, вокруг турки, но жить-то надо было... Тяжёлые были годы... Все её боялись. Молодчиной была! Как-то раз один разбойник залез в виноградник, который находился возле кладбища. Чтобы его испугались, он надел длинную, до пят, белую рубашку. Потом, выйдя из виноградника, он, как был в белой рубашке, зашёл на кладбище и давай там шастать. Случилось в ту пору проходить через кладбище моей бабушке. Разбойник, когда увидел её, растянулся на земле и притворился мёртвым, чтобы она приняла его за вурдалака и напугалась. Однако бабушка подошла к нему и сказала: «Тебя, если б ты был человек порядочный, давно бы уже земля взяла!» И, сказав это, начала бить злодея тупой стороной ятагана! Искалечила его. Кто это был такой, она даже не знала. Уже потом, в деревне, услышала, что, мол, такого-то изувечили, и так узнала, кто это был.

В нашу эпоху отвага является редкостью. Люди замешаны на воде. Поэтому, если, Боже упаси, начнётся война, одни умрут от страха, а у других даже от небольшого испытания опустятся руки, потому что они привыкли к хорошей жизни. А в старину какая была отвага! В Флавиановском монастыре в Малой Азии турки схватили и убили одного христианина. Потом они сказали его жене: «Или ты отречёшься от Христа, или твоих детей мы тоже зарежем». — «Моего мужа, — ответила она, — забрал Христос, детей моих я поручаю Христу и сама от Христа не отрекаюсь!» Какая отвага! Если в человеке не будет жить Христос, то как в нём будет жить отвага? А сегодня люди без Христа строят всю свою жизнь на

мусоре. В те годы были молодцами матери, были молодцами и дети. Помню, как в Конице наша соседка, будучи в положении, одна пошла на поле окучивать кукурузу, а нужно было идти пешком полтора часа. Там она родила малыша, положила его в подол и вернулась в деревню. «А у меня младенчик!» — похвалилась она, проходя мимо нашей двери. Была оккупация, годы тяжёлые. А сейчас есть женщины, которые для того, чтобы родить одного ребёнка, от страха по шесть-семь месяцев проводят в кровати. Речь [разумеется] идёт не о тех, кто делает так по причине болезни.

Естественный страх является тормозом

— Геронда, я очень боязлива. Не знаю, что я буду делать, если окажусь в тяжёлой ситуации. Откуда появляется страх?

— С кем-то, может быть, что-нибудь случилось в детстве, и от этого он боится. Часто страх может быть естественным, но это может быть и страх от недостатка веры, от недостатка доверия Богу. Однако страх является и [необходимым] тормозом, потому что он помогает человеку прибегать к Богу. В страхе, в поисках того, за что бы ему ухватиться, человек бывает вынужден ухватиться за Бога. Вот в жарких странах, где живут дикари, там водятся и дикие животные, большие звери, удавы и так далее. Это для того, чтобы люди были вынуждены искать помощи у Бога, прибегать к Богу, чтобы найти свой

ориентир. Если бы этого не было, то что смогло бы хоть как-то сдерживать этих людей? Во всём, что устроил Бог, есть какой-то смысл.

— А те, кто, не зная истинного Бога, просят помощи от страха, получают ли её?

— Смотри: они поднимают голову кверху, и это уже кое-что значит. И для малых детей тормозом является страх. Бывают такие дети, которые, если их маленько не припугнуть, никого не слушают: ни мать, ни отца. И мне, когда я был маленьким, говорили: «Сейчас бумбул придёт!» Малышам свойственно бояться. Но, по мере того как ребёночек взрослеет, зреет и его ум — и страх отступает. Естественный страх помогает только в детском возрасте. Если человек, став взрослым, боится пустого места, то он достоин сожаления. Приходят ко мне в каливу некоторые духовные люди и говорят: «Вот, рядом с нами кто-то умер, и от этого мы постоянно испытываем страх». И просят меня помолиться о том, чтобы этот страх от них ушёл. «Да тут, — отвечаю я, — люди стараются иметь память смертную, а у тебя рядом кто-то умер, и ты хочешь этот страх прогнать?!» У женщин естественного страха немножко побольше. Женщин, которые не боятся, мало. Однако такие женщины могут создать в семье проблемы, потому что они не подчиняются. Также может стать наглым и мужчина, если он от природы не трус и имеет в сердце отвагу. А некоторые женщины ужасные трусихи. Большое дело, если имеющая природную боязнь женщина станет подвизаться и приобретёт мужество. Женщина имеет в своей

природе жертвенность и поэтому способна и на многое самоотвержение, которого у мужчины, несмотря на всё его природное мужество, нет.

Смерть боится того, кто не боится смерти

— Геронда, чем изгоняется страх?

— Отвагой. Чем больше человек боится, тем больше искушает его враг. Тот, в ком есть трусость, должен постараться её изгнать. Я, когда был маленьким, боялся ходить мимо кладбища в Конице. Поэтому я спал на кладбище три ночи, и страх ушёл. Я осенял себя крестным знаменем и заходил туда, даже фонарика не зажигал, чтобы никого не напугать. Если человек не будет подвизаться для того, чтобы стать мужественным, и не стяжет настоящей любви, то, когда возникнет какая-нибудь сложная ситуация, плакать о нём будут даже куры.

— То есть, геронда, можно предпринять подвиг и избавиться от страха?

— Должно радоваться тому, что умираешь ты ради того, чтобы не умирали другие. Если расположить себя подобным образом, то ничего не страшно. От многой доброты, любви и самопожертвования рождается отвага. Но сегодня люди и слышать не хотят о смерти. Я узнал, что те, кто занимаются похоронами, пишут на вывесках своих заведений не «Похоронное бюро», а «Ритуальные услуги», чтобы не напоминать людям о смерти. Однако если люди не помнят о смерти, то они живут вне реальности. Те, кто

боятся смерти и любят суетную жизнь, страшатся даже микробов, они постоянно побеждаемы страхом, который держит их в духовном застое. Люди же дерзновенные никогда не боятся смерти и поэтому подвизаются с любовью и самоотверженностью. Полагая перед собой смерть и ежедневно думая о ней, они и готовятся к ней более духовно, и подвизаются с большим дерзновением. Так они побеждают суету и уже здесь начинают жить в вечности и райской радости. И пусть тот, кто сражается на войне за свои идеалы, за Веру и Отечество, осенит себя крестом и не боится, ведь он имеет помощником Бога! Если человек осенит себя крестом и вверит свою жизнь в руки Божии, то Бог и будет потом судить, жить или умереть надо было этому человеку.

— А может ли человек не испытывать страха от неосмотрительности?

— Это намного хуже, потому что в какой-нибудь опасной ситуации такой человек может попасть в серьёзную переделку и заплатить за всю свою опрометчивость сполна. Поэтому тот, кто немножко боится, внимателен и не полезет безрассудно на рожон. Надо понуждать себя на добро¹⁶, но иметь доверие к Богу, а не к самому себе.

Значение дерзновения велико

В экстремальной ситуации самый большой вред происходит от начинающейся паники. В опасности важнее

¹⁶ Ср. Мф. 11:12.

всего не теряться. Вон как курица вступает в схватку с орлом и налетает на него! А как сражается с собакой кошка, защищая котят! Она задирает хвост трубой и начинает угрожающе шипеть! Животное идёт ва-банк, а человек оказывается трусом !..

Не поддавайтесь панике. Особенно легко поддаются панике женщины. Помню, как во время оккупации нам случилось пойти в одно место, в двух часах ходьбы от Коницы. Ребята прошли [немного] вперёд, нашли там греческие солдатские каски и мундиры, надели их и пошли в часовню святого Константина. Я тоже пошёл туда, чтобы приложиться к иконам. Мне было тогда пятнадцать лет. Как только матери издалека увидели детей в военной форме, они начали кричать: «Итальянцы идут!» — и приготовились бежать. Они даже не взглянули, кто это был! Шалуны надели греческие каски, а напуганные мамыши, приняв их за итальянцев, бежали от собственных детей!

Значение дерзновения велико. Если человеку физически здоровому, но трусливому сказать: «Ой, какой ты жёлтый! Что это с тобой?» — то он пойдёт к врачу, в то время как жёлтым он может быть оттого, что не выспался, или же оттого, что у него болел зуб и тому подобное. Грек или ринется вперёд, или станет паниковать. Трусы не годятся ни на что. На войне трусы никому не нужны, им не доверяют. Их не берут на задания, на передовую, чтобы они не создавали проблем. Один трусливый солдат, если он не знает плана боевых действий, может раздуть такую панику, что разложит

целую дивизию! Страх распяляет воображение труса, и он может раскричаться: «Вот они! Ой, подходят, они уже здесь, режут! Ах, куда же нам бежать?! Врагов такая прорва! Да они проглотят нас!» Такой человек на творит много зла, потому что люди легко попадают под чужое влияние. Человек же отважный, увидев врагов, только сплюнет: «Тьфу, да это разве люди? Муравьи какие-то!» – и остальные [от этих слов] тоже с дерзновением побегут в атаку. Поэтому в армии говорят, что трудную задачу лучше с хладнокровием выполнят пятеро смелых, чем двадцать трусов.

– То есть, геронда, в трудном положении опасности внешние не столь страшны, как бывают страшны опасности внутренние.

– Да, так оно и есть. И Сули¹⁷ турки не взяли бы, если бы его не предал Пилий Юс, который сам был из Сули. Он провёл турок по тайной тропинке. Вон как: пять деревьев были дружны и, объединившись, справлялись с самим Али-пашой¹⁸, который был настолько силен, что даже выступал против султана¹⁹. Сулиоты были у Али-паши под боком, но жару ему задавали крепкого. А на

¹⁷ Сули – союз нескольких деревень Эпира (область Греции), обладавший независимостью во время турецкого господства и в период с 1790 по 1893 г. ведший вооружённую борьбу против завоевателей. – *Прим. пер.*

¹⁸ Али-паша (Тепелени), 1714–1820 – знаменитый паша Янины, сын разбойничьего атамана Велиса, ведший жестокие войны против сулиотов, вступивший в конфликт с султаном и убитый в 1820 г. – *Прим. пер.*

¹⁹ Султан – правитель Турции – изначально титул вождей Османской империи и впоследствии глав любого мусульманского государства.

сколько отважны и сплочены между собой были тамошние женщины! Брали карабины и они.

Дисциплина

— Геронда, если в коллективе обычным состоянием является недисциплинированность, то смогут ли его члены проявить дисциплинированность в момент, когда создастся трудное положение?

— Во время пожара каждый делает не то, что ему взбредёт в голову, напротив, все действуют по команде. Тот, кто несёт ответственность, следит за ситуацией и говорит другим, что надо делать. В противном случае люди могут создать панику и вместо того, чтобы потушить пожар, раздуют его ещё больше. Однажды я возвращался на Святую Гору. Когда наш кораблик находился между Ватопедским и Пантократорским монастырями, подул северо-восточный ветер и поднялся шторм. Корабельщик направил судёнышко против волн, потому что иначе мы бы пошли ко дну. Один трус из Иериссоса²⁰, который не смыслил ни в кораблях, ни в мореходстве, — он мулов держал — начал кричать: «Ты что же это делаешь, а? Потопишь нас! Вы что, не видите? Он ведь эдак нас в Кавалу²¹ увезёт!» Тут вскочили все пассажиры и об-

²⁰ *Иериссос* — порт на восточном побережье полуострова Халкидика, к которому приписан пассажирский катер, курсирующий вдоль северо-восточного побережья Афона. — *Прим. пер.*

²¹ *Кавала* — город и порт в Северной Греции, в пределах прямой видимости от Святой Горы. — *Прим. пер.*

лепили корабельщика, а он, бедняга, только и говорил: «Оставьте меня в покое, я знаю своё дело!» К счастью, один из пассажиров был моряк и утихомирил остальных: «Оставьте его в покое, он знает своё дело! Надо идти так, чтобы подрезать волну». Не окажись там этого моряка, корабль пошёл бы ко дну, потому что пассажиры не дали бы корабельщику делать своё дело. Видишь как: один оказался трусом, возникла паника, все, кто там был, вскочили и могли бы отправить корабль на дно. А потом ведь для таких случаев всегда есть второй механик, который встанет к штурвалу, если капитан [действительно] не в состоянии управлять кораблём.

Греки вообще нелегко подчиняются. Римско-католики верят в папскую непогрешимость, а мы, греки, верим в собственный помысел и, выходит, мы все обладаем... непогрешимостью! Почему считается, что турки ведут хорошую политику? Потому что среди турок умных людей немного, большинство из них — народ не слишком сообразительный. Поэтому в начальники у турок выходят те немногие, кто умён, а остальные подчиняются им естественным образом. Греки же, будучи очень умными в подавляющем большинстве своём, все до единого хотят управлять и распоряжаться, а подчиняются с трудом. И итальянцы говорили: «Из десяти греков пять хотят быть командирами!» Предположим, что мы собираемся куда-то идти. Один может знать более короткую тропинку, другой — иную, с противоположной стороны, третий какую-то ещё... «Нет, пойдём сюда, так лучше», — будет настаивать один. «Нет, пойдём туда», — станет пе-

речить другой. В конечном итоге, если кто-то один не отдаст приказания, то могут пройти часы и даже дни, а путники так и не отправятся в дорогу и будут находиться в том же самом месте. Однако если, зная дорогу, распоряжается кто-то один, то, даже если предложенная им дорога будет чуть подлиннее, когда-нибудь они достигнут цели. Конечно, лучше всего, если тот, кто командует, знает кратчайший путь. Но даже если путь, который ему знаком, самый долгий, всё равно, подчиняясь приказу, путники всё-таки достигнут цели.

*Бог смотрит на расположение человека
и помогает ему*

— Если время поставит нас перед серьёзными трудностями, а духовного устройства нет, то сможешь ли устоять, имея одно лишь доброе расположение?

— Как же не сможешь? Бог смотрит на расположение человека и помогает ему. А, кроме того, часто в трудные минуты проявляют великую отвагу даже те люди, в которых, как поначалу кажется, её нет. Помню, у нас в армии был один лейтенантик, который никогда не проявлял ни жертвенности, ни отваги. Но однажды, когда мятежники могли захватить нас в плен, он укрылся за часовней и с одним автоматом задерживал их, пока мы не отступили. Таким образом мы и спаслись. Он бил оттуда очередями — вверх-вниз, влево-вправо — и не давал мятежникам пройти вперёд. А потом убежал, чтобы мы его не увидели.

И после он даже не сказал: «Я их задержал, и поэтому вы смогли спастись...», чтобы похвалиться своим героизмом. Мы все тогда говорили: «Один автомат нас спас!» И он повторял: «Один автомат нас спас». Как все говорили, так и он. Но потом мы его вычислили: стали вспоминать, что такой-то был вместе со всеми, такой-то тоже, и поняли, что только этого лейтенанта не было. Так мы выяснили, что это был он. А знаешь, что бы с ним было, попади он в плен к мятежникам? Они не пощадили бы его, выместили бы на нём всю свою злобу, сказали бы: «Ты наделал нам столько вреда, а ну-ка иди сюда, мы повывёртываем тебе ногти пассатижами!» Мирской человек, а идёт на такую жертву! Он пошёл на жертву, потому что подверг себя опасности большей, чем все мы. А готовы ли вы пойти на такую жертву? Этот лейтенант ни Святых отцов не читал, ни о духовной жизни не знал. Я был с ним знаком, в нём была простота, честность. А были и другие: такие, что находили убитого мятежника, отрезали у него голову и носили её по деревне, изображая из себя молодцов! Поэтому одной отваги недостаточно, в человеке должен быть и жертвенный дух, для того, чтобы отвага имела в душе надёжное обоснование.

Будем противостоять опасностям духовно

Всегда в критические минуты необходимы находчивость и отвага. Во время оккупации итальянцы брали пять-шесть мулов, приходили на наше поле и нагружали

своих мулов дынями. Однажды я сказал им: «Эти дыни мы оставили на семена, возьмите лучше вон те». Тогда один итальянец поднял свой кнут и спросил меня: «Видишь это?» Я потрогал кнут рукой, поглядел на него и сказал: «Бонэ!» — дескать, хороший кнут! Как будто он мне его показывал, чтобы я увидел, какая это красивая вещь! У итальянца гнев сразу пропал, он засмеялся и ушёл. Помню ещё один случай времён гражданской войны. Два [наших] солдата пришли на бахчу попросить у хозяина дыньку, помидорчиков. Свои винтовки они оставили в стороне, а сами пошли вглубь огорода. Хозяин, как только заметил их издали, схватил ружьё и давай в них целиться. Тогда один солдат хватается красную помидорину и кричит: «Бросай оружие, а то я в тебя сейчас гранатой запульну!» Тот бросил оружие, вскочил и убежал.

— Какая же находчивость и отвага!..

— А другой солдат повесил свою бурку на дикой груше. Вскоре с гор спустился мятежник и хотел схватить этого солдата. Тогда солдат повернулся в ту сторону, где на некотором отдалении висела бурка, и закричал: «Командир, что мне с ним делать?» А потом, словно получив от командира знак, рывкнул на разбойника: «Сдать оружие!» Выхватил у бандита винтовку и разоружил его.

— Командиром, геронда, была бурка?

— Да, бурка! Видишь как: солдат был один и имел одну лишь бурку, а у человека вооружённого отнял винтовку! Он таким образом наотбирал у мятежников целую кучу винтовок. Отвага нужна! Помню я и одного

русского монаха-келиота на Святой Горе. Однажды пришли бандиты его грабить. Когда они лезли через стену, он выскочил на них сверху и заорал: «Ну что, из колыта вам влепить или из нагана?!» У тех только пятки засверкали. А другой монах, когда к нему в келью пришли грабители, взял сковородку и сделал вид, что звонит куда-то, будто по телефону: «Алло, на меня напали грабители!» — и тому подобное. Те подумали, что он звонит в полицию, и убежали. А вот ещё был случай: здоровенный бугай, настоящий гигант, схватил за горло одного пастуха, чтобы его задушить. Бедный пастух от страха выпучил глаза так, что этот бугай даже спросил: «Что ты на меня так дико вытаращился?» — «Смотрю, на какое дерево тебя забросить», — прохрипел пастух. Злодей испугался и отпустил его!.. Потому я и говорю, что не надо теряться. Надо держаться с хладнокровием и работать мозгами. Потому что если не работают мозги, то просто по глупости можно даже совершить предательство. Что бы ни происходило, надо молиться, думать и действовать.

Самое лучшее — это всегда стараться духовно противостоять трудной ситуации. Однако сегодня отсутствует отвага в обоих её видах. Нет ни духовной отваги, которая рождается от святости и дерзновения к Богу и помогает преодолевать трудности духовно, ни отваги естественной, которая нужна, чтобы не струсить в опасной ситуации. Для того, чтобы сдержатъ какое-то большое зло, надо иметь многую святость, в противном же случае для преодоления зла не найдётся оснований. Если в монастыре у кого-то из братства есть духовная отвага, то

вот увидишь, как этот монах пригвоздит на месте того, кто пришёл со злою целью: одной ногой во дворе монастыря, а другой — за его оградой! Он «выстрелит» в голову злоумышленника по-духовному: не из пистолета, а из чёток; он чуть помолится, и злодей останется неподвижным. Замрёт как часовой!²² Если в братстве есть кто-то в состоянии духовном, то он и зло затормозит, и людям поможет, и для обители будет охраной. Мироносицы не считались ни с чем, потому что находились в духовном состоянии и доверились Христу. Ведь если бы они не были в состоянии духовном, то разве доверились бы Ему и разве сделали бы то, что сделали? В духовной жизни самый большой трус может стяжать многое мужество, если вверит себя Христу, Божественной помощи. Он сможет пойти на передовую, сможет сразиться с врагом и победить. А что касается тех несчастных людей, которые хотят сделать зло, то они боятся, даже если имеют отвагу. Потому что они чувствуют за собой вину и основываются только лишь на собственном варварстве. Человек же Божий имеет Божественные силы, и справедливость тоже на его стороне. Вон маленькая собачка чуть полагает, а волк уже убегает, потому что чувствует за собой вину. Бог устроил так, что даже волк боится маленькой шавки, потому что в хозяйском доме правда на её стороне. Тем паче страшится человек, хотящий сделать зло тому, кто имеет в себе Христа! Будем поэтому бояться одного лишь Бога, а не людей, какими бы злыми они ни были. Страх

²² См. Старец Паисий Святогорец. Преподобный Арсений Каппадокийский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 72.

Божий даже самого большого труса делает молодцом. Насколько человек соединяется с Богом, настолько ему ничего не страшно. Бог поможет в трудностях. Но для того, чтобы Бог дал Божественную силу, надо, чтобы и человек дал то малое, что он может дать.

Когда я служил в армии, один радист с военного аэродрома приходил к нам в часть за позывными, и мы с ним общались. В миру он получил богословское образование, а в части даже произносил [перед сослуживцами] проповеди. Однако все звали его Иезуит²³, потому что он не только ни в чём не жертвовал собой, но не хотел просто помочь другому даже малостью. Иногда я его просил: «Ты ведь всё равно идёшь на аэродром, будь добр, захвати вот эти позывные для такого-то радиста». Но он ни в какую не соглашался. «Нет, — говорил, — я ходил за своими позывными, а он пусть идёт за своими». Он успокаивал свой помысел тем, что не поступает в отношении другого несправедливо. Но ведь Христос говорит, что надо идти с кем-то два поприща, если тебя не просто просят, но и принуждают к тому, чтобы пройти одно²⁴. Он не говорит: «Если кто-то просто попросит у тебя рубашку, то отдай ему и верхнюю одежду», но заповедует: «Кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, то

²³ *Иезуиты* — основанный Игнатием Лойолой в XVI в. католический монашеский орден, известный суровой внутренней дисциплиной и использованием крайних средств для достижения своих целей. В переносном смысле иезуитами называют людей, строго соблюдающих правила формального благочестия, но не имеющих при этом соответствующего внутреннего состояния.

²⁴ Ср. Мф. 5:41.

отдай ему и верхнюю одежду»²⁵. Христос даёт нам такую заповедь, а человек, считающий себя духовным, говорит: «Я сходил за своими, а он пусть идёт за своими»? То есть он всё равно что говорит: «Нашли дурачка! Меня просят об одной версте, а я что, должен идти целых две?» Ну так что же, как после этого Благодать Божия приблизится к такому человеку? А вот если кто-то [действительно] применяет к себе эту евангельскую заповедь и, в то время как его принуждают пройти одно поприще, идёт больше, то потом начинает работать Христос. И тот, кто заставлял этого человека идти [вместе с ним], духовно изменяется и с удивлением чешет в затылке «Ну,— говорит, — дела! Я-то его припряг только на одну версту, а он гляди в какую даль унёсся! Вот это доброта!» Если бы у Христа была та мирская логика, которая присутствует сегодня у многих «духовных» людей, то Он не оставил бы Своего Небесного Престола, чтобы снизойти на землю, пострадать и претерпеть распятие от нас — окаянных людей. Однако в этом — по человечеству — «неуспехе» Христа была сокрыта тайна спасения всех людей. Ведь чего только Он не перенёс ради нашего спасения! Он умалил Себя до такой степени, что люди заушали Его и говорили: «Прореки, кто ударил Тебя?» То есть евреи нашли себе забаву, издеваясь над Христом! Знаешь, как мне было горько, когда, будучи маленьким, я видел, как другие ребята играют в чижа? И евреи затеяли ту же игру... со Христом! «Прорцы́, кто есть ударей Тя?»²⁶ О, как это

²⁵ Ср. Мф. 5:40.

²⁶ Лк. 22:64.

страшно! А мы стремимся к христианству без распятия, к «христианству сиюминутного воскресения». Мы переделываем христианство, монашество так, как нам хочется. Мы не желаем ни в чём себя ограничивать. Однако для того, чтобы пережить сверхъестественное, мы должны жить сверх естества.

О НЕОБХОДИМОСТИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА СОБОЙ И ПОЗНАНИЯ СЕБЯ

Рармии, в войсках связи, у нас была сеть радиослежения, а у радистов были таблицы распознавания [своих и чужих радиостанций]. Мы следили за радиостанциями и понимали, какая из них чужая, а какая — наша, потому что иногда к связи между нашими радиостанциями подключались вражеские радисты. Так же всякому человеку следует наблюдать за своими помыслами и действиями, чтобы видеть, согласны ли они с заповедями Евангелия. Надо замечать свои ошибки, бороться ради их исправления. Ведь тот, кто позволяет своей ошибке проскальзывать незамеченной или не задумывается о своих недостатках, когда другие говорят ему о них, не может духовно преуспеть.

Исследование себя — это самое полезное из всех прочих исследований. Человек может читать много книг, однако, если он не следит за собой, всё прочитанное не приносит ему никакой пользы. А вот если он за собой следит, то польза, которую он получает, велика, даже если он читает немного. В последнем случае поступки, поведение человека утончаются — что бы он ни делал. А иначе он совершает грубые ошибки и не понимает

этого. Когда ко мне в каливу приходят посетители, то я приношу им пеньки для сидения с другого конца двора. И я заметил, что, уходя, люди даже не задумываются о том, кто отнесёт эти пеньки обратно на своё место. Или, видя, как я несу им один пенёк, и понимая, что его не хватит для того, чтобы усесться всем, посетители всё равно ждут, пока я принесу им и другие. Но если бы эти люди хоть немножко задумались и сказали: «Хорошо, ведь нас пять-шесть человек, неужели батюшка должен сам таскать для нас пеньки с другого конца двора?» — то, взяв каждый по пеньку, они быстро перенесли бы их на нужное место.

Разве маловажное дело человеку иметь союзником Бога? Помню, перед уходом в армию, я молился святой Варваре, прося её помощи — я почитал эту святую, потому что с детства ходил молиться в храм святой Варвары. «Пусть я подвергнусь на войне опасности, только бы человека не убить», — просил я. И как всё устроил Благый Бог! Тех, кто был образованнее меня, отправили на передовую простыми рядовыми, а меня с моим начальным образованием взяли в связисты! Мне говорили: «У тебя сильные покровители». «Да какие у меня покровители, — отвечал я, — у меня здесь и знакомых-то нет». «Ладно, хватит шутить. Отвечай, кто у тебя в генеральном штабе?» Так как люди продолжали настаивать, то я им отвечал: «У меня в генеральном штабе Христос». Так и вышло, что я никогда не брал в руки оружия.

Духовно-просветительное издание

Блаженной памяти
Старец Паисий Святогорец

СЛОВО
О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

(Брошюра 20-я)

Дорогие читатели !

*Приглашаем принять участие в обсуждении наших изданий на сайте
нашего Издательского Дома:*

www. agionoros. ru

*Здесь вы найдёте тексты наших книг в электронном
виде, анонсы новых изданий и сможете получить ответы
на интересующие вопросы.*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «СВЯТАЯ ГОРА»

Лицензия ИД № 05182 от 25.06.2001

www. agionoros. ru

e-mail: info @ agionoros. ru

109263 Москва, ул. Шкулёва, 17а

тел. /факс: +7 (499) 179 9980

Оптовая торговля: +7 (905) 523 9700

e-mail: opt @ agionoros. ru

Подписано в печать 15.06.2011. Формат 60 × 100/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурский».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,0. Тираж 3 000 экз.

Заказ № 59

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ООО «Боргес» 144001, Московская область,

Строительный пер., д. 9

